

Библиоман

Наталия ЧЕРНЫХ

4 + 1

В марте-апреле уже хорошо бы писать о новинках 2020, благо они уже есть и греют сердца и руки читателей. Но еще не разобран книжный развал 2019 года, а там есть о чем говорить и что читать. Судя по тому, какой улов принесли мои собственные сети, можно сделать аккуратный вывод: сейчас время негромких, но уникальных работ. Я расскажу о пяти книгах: пять элементов, пять сторон света; где, что и чему соответствует – не скажу. Из книг – четыре поэтических, одна – сборник эссе о поэте, исследование творчества, оформленное как драгоценная цепь превосходных эссе. Три из четырех поэтических книг принадлежат уже популярному «Стеклографу». Издательство продолжает ориентироваться на дебютные книги, хотя у него появились постоянные авторы. Одна книга принадлежит не сдающей позиций «Воймеге», и это удивительное поэтическое приобретение. Я пишу намеренно комплиментарно, так как это лучший способ поговорить о поэтических книгах.

Татьяна Данильянц. В объятиях реки. – М.: Воймега, 2019. – 50 с.

Татьяна Данильянц – художник, который пустоты не любит нигде, ни во внешнем, ни во внутреннем пространстве. «Белое», книга стихотворений, вышедшая в ОГИ, в 2006, в очень престижной на то время серии, всплыло у меня в памяти при чтении – при нахождении «в объятиях реки». «Воймега», конечно, оценила в том числе и название (Воймега это река). «Белое» и в «В объятиях реки» рифмуются и по оформлению (по моему, книга 2019 года выигрывает). О «Красном шуме» не упоминаю специально, так как для меня «Белое» и «В объятиях реки» представляют один гармоничный аккорд. В книге «Красный шум» поэтика все же другая.

Нестандартный формат, обложка белого цвета и пурпурно-фиалковый шрифт настраивают читателя как инструмент, пробуждают его темперамент. И книга того стоит; Владимир Гандельсман говорит о «совершенной гармонии», скрытой в этой книге. Для меня это – характерное для Татьяны Данильянц – поэтическое письмо «белым по белому»; трудное, с повторами-петлями, наброшенными на смыслы. «В стихах Данильянц присутствует именно та умная прозрачность, которая мне близка и нравится. Но вот свет, это искомое белое, он идет откуда-то ещё, и автор сама подчёркивает это. Свет выявляет сущность слова» (Наталия Черных. Красота свободы. О книге «Белое». TextOnly № 21).

Моя знакомая поэтесса и богослов Ж.С. как-то в переписке употребила слово «евхаристичность». «Снег евхаристичен», – сказала она. Я подумала: а ведь это понятие – евхаристичность – таинственность, благодарность – очень объемное, его можно употребить и к поэзии. Поэзия по природе евхаристична, но в современности мало кто чувствует, что такое – евхаристичность. «В объятиях реки» – книга целиком евхаристичная. Она растет из земли, людей, обстоятельств, – из чувств, питающих сердце, из его крови. И удивительным мановением в словах идет пресуществление нажитого житейского в текучее будущее. Осторожное и теплое послесловие Владимира Гандельсмана завершает путешествие по священной реке.

мне мешает солнце

обнимать тебя
занавески шторы
и до полной темноты
я и ты превращаемся
в целую величину
твердую скорлупу
в твердь обетованную
я и ты

Петр Лодыгин. Аннафилия. – М.: Стеклограф, 2019. – 60 с.

«Стеклограф» привлекает новинками, и особенно – дебютными. Среди богатой палитры, среди широкого спектра голосов в 2019 я отметила для себя один из нескольких. Новизну трудно объяснить просто (скорее тупо), но в случае поэзии Петра Лодыгина речь идет именно об осторожной и оправданной сложности его немногословных поэтических опытов. Этот свободный стих легко ложится в память, не тиранит когтями сердце, но наполнен особенным ядом, который заставляет читать книгу без отрыва.

Сначала немного о необычном названии. Анафилактический шок, как известно, мгновенная и острая реакция организма человека на определенные вещества, порой с летальным исходом. Если опозитизировать медицинское словосочетание, анафилия это нечувствие (есть такое слово в церковнославянском, оно под стать анафилии как термину); неспособность воспринимать и реагировать, отторжение самого бытия. И однако «филия» это склонность, любовь, почти зависимость. Добавив вторую «н» в первую часть слова и убрав конкретистское «шок», автор создал связь между медицинской, филологической и поэтической областями. Мой выбор этой книги во многом определило ее удачно-игровое название.

Для дебютного сборника шестьдесят страниц – объем оптимальный. У автора есть возможность при составлении показать все имеющиеся стороны своего таланта. В «Аннафилии» (правильно подумали, в основе – женское имя Анна) есть как рифмованные, так и нерифмованные тексты. Это свободный стих, парящий на восходящих токах, эстетично небрежный и довольно изысканный для дебютной книги. О промахах (особенно в области рифмовки) можно говорить долго, но я в начале обзора заявила комплиментарность. Почти все стихотворения посвящены А.Д., что и является «Аннафилией». Анна здесь – чистая витальная субстанция, к которой то восходит стихотворение, то медленно, паря, падает вниз, напитанное Анной. В предисловии Данилы Давыдова говорится о «печальной иронии» этой поэзии, и я в целом согласна. И добавила бы немного о «взрослых играх», которые посерьезнее Мегзита, а происходят с каждым.

быть неуместным значит
более чем не иметь своего места
быть нелюбимым значит
более чем просто быть одиноким

Игровой привкус (или привкус игры, чтобы звучало привычнее) здесь неслучаен; в «Аннафилии» звучит речь оживающего алгоритма; это и речь взрослого человека, почти свободного от иллюзий, и речь романтического юноши. Актеры ищут в характере персонажа конфликт. Критики (и я тоже, хотя я не критик) в чем-то на актеров похожи.

Обложка у «Стеклографа» всегда имеет особенное значение. «Аннафилия» показывает читателю море на заре (вечерней или утренней), полное светящегося планктона. Конфликт солнца и фосфора, жизни и чего-то неведомого после.

Евгений Таран. Распечатка. – М.: Стеклограф, 2019. – 50 с.

Евгений Таран – автор нескольких поэтических книг: «Зерна-звезды» (2001), «Книга улиц» («Воймега», 2014). Это поэт, пишущий скупой, ярко и легко. Иногда эта поэзия действительно тяготеет к «тихой лирике» (как назвала свое предисловие к «Распечатке» Анна Голубкова), иногда к неофольклору, в широком понимании (скорее сетевому). Однако при том, что проанализировать отдельное стихотворение Евгения Тарана (и всю книгу) для филолога особого труда не составит, в этой поэзии остается загадка. Я бы избегала слова «странный» при разговоре об этих стихотворениях. «Распечатка» – название очень точное. Оно выражает и тягу памяти, и сиюминутную нежность, и красоту новизны. Почти к каждому стихотворению в книге можно применить эти определения.

Несколько струн, забытых на старой даче,
Помогут нам в путешествии по крыжовнику.
Как единственный повод вернуться обратно
И по местам расставить бумажные пешки.
Главное помни – возвращаться нужно без спешки...

«Герой и хор. Герой и город. Это тоже единство. Символы прошлого и слова из прошлого (по большей части имеющие отношение к войне) возникают почти в каждом стихотворении. Для меня это яркий признак времени, а именно – середины девяностых. Хаос надежд и разочарований. Время беспечной гибельной свободы и жестокой культурной и интеллектуальной инфляции. Все это в стихах Евгения Тарана присутствует, хотя это стихи не о конкретном времени и даже не о Москве (или Берлине), а топонимы, конечно, есть. Эти стихи подобны эссенции, сильному концентрату, герметично запаянному в сосуд» (Наталья Черных. Пройти по городу. О «Книге улиц» Евгения Тарана. Литература, дек. 2014).

«Бумажные пешки» – это и есть искомая распечатка. Впрочем, тут скрыт красивый перевертыш. Распечатка – это то, что распечатали, с чего сняли печать. Обложка подсказывает: под печатью оказалось сердце города городов.

Ольга Аникина. Кулунда. – М.: Стеклограф, 2019. – 64 с.

Новая поэтическая книга оказалась фактурной (стихи здесь разнообразные по техникам, отчего поэтическая ткань книги словно бы покрыта объемным орнаментом), тихой (и по большей части лиричной), с присущей только Аникиной нервной строгой ностальгией. Если бы я писала исследование о том, как самые характерные качества ушедшей Атлантиды (под грифом СССР) отражаются в творчестве современных поэтов, Ольге Аникиной посвящена была бы не одна глава. Качества эти проявляются не в том, упоминаются или нет кодовые слова или, например, нечто, указывающее на культурные коды. А в оптике (которая может быть самой современной), которая показывает еще сохранившуюся иерархию вещей.

Прости меня идалго, добрый дон,
мне достаются подвиги с трудом.

мне тяжелы доспехи и копье,
и каторжник, обряженный в тряпье
меня страшит, и у любого ветряка
размах таков, что не поднимется рука.

Композиция книги подчеркнута структурна. В ней три части: «Вместо исповеди», «Стекло» и «Гоморра». Невозможно представить, чтобы, например, последняя часть целиком, с ее настороженным настроением, с глубоко клокочущей яростью, оказалась первой частью книги. Внутри каждой из частей стихотворения расположены (на мой немного замыленный взгляд читателя) в определенном порядке, что автору очень важно. В целом композиция представляет собой цельное высказывание, жест отношения автора к окружающему.

Основной инструмент поэзии Ольги Аникиной для меня – медиумичность. Это голос-глаз, где «я» (четкое и активное) заключено в капсулу, наподобие зрачка, и оно почти не влияет на происходящее. Это не приглушенно-страстная позиция описателя или хроникера. Это холодноватая трансляция (преимущественно увиденного и пережитого, преимущественно с другими: «Петя словно живой ругается на латыни»).

В выборе ритмов и рифм Ольга Аникина (хотя книга включает и опыты свободного стиха, и смешанного, как титульное «Кулунда») именно в «Кулунде» раскрывает ту самую строгую и нервную ностальгию. Это привлекает, как привлекательны молодые ветви на старом дереве. Кстати, обложка этой книги показывает читателю снящийся, немного сумрачный лес.

Зима перебелила города,
Перемолола, перелицевала,
И снова снегом перецеловала
Своих недоцелованных...

Константин Кравцов. Заостриться острой смерти. – М.: Сибирский тракт, 2018. – 150 с., илл. – (Praenomen).

Дата на книге – 2018, но читателю она стала доступна в самом конце 2019. Начиная рассказ об этой книге мне, как бывшему библиотечарю, интересно знать, какая буква будет в ББК (по старинке – в таблицах Хавкиной): К или Н? Константин Кравцов или Денис Новиков? Вот насколько важны для меня обе эти замечательные фигуры современной поэзии. Однако первенство в данном случае за автором, хотя второй код можно сделать и на букву Н, это возможно.

Константин Кравцов как поэт в современном литературном пространстве занимает небольшую, но очень заметную нишу; это поэт-священник, как и Сергей Круглов. Расстояние между их поэтиками космическое, но и сходство есть. Если поэту Константину Кравцову довелось вкусить и вечеров, и премий, и относительного литературного внимания (в смысле рецензий), но о Кравцове-эссеисте говорили настолько мало, что это почти незаметно.

Тем не менее Константин Кравцов – один из лучших современных эссеистов, и я рада, что теперь читатель сможет это увидеть на примере отдельно взятой книги, и о ком! О культовом авторе (как будто это какой-то Ян Кертис!), о печальном светиле восьмидесятых Денисе Новикове!

Что касается самого издания, то «Сибирский Тракт» сделал ход очень амбициозный: открыв новую серию «Praenomen», издательство показало, что намерено создать нишу критической литературы о современных поэтах, конца двадцатого века и нашего столетия.

«Заостриться острее смерти» – строчка из стихотворения Дениса Новикова. Таким образом автор дал прежде своих эссе слово поэту, с которым он на протяжении всех восьми эссе ведет неявную, но все же ощутимую слуху читателя беседу. Кравцов совершенно не стеснен христианской парадигмой, более того: стихотворения Дениса Новикова сами идут к этим эссе, как на встречу со старым другом. Каждое из восьми эссе (книга дополнена постскриптумом) имеет свой характер, свою цель и свой предмет. Разбирать подробно – дело большой рецензии, а не обзора. При чтении – нет ничего лучше, как следить за текучим, свежим, искристым слогом талантливого писателя и отмечать для себя моменты, на которых останавливаешься сам по себе, без всяких манипуляций, чтобы потом вновь броситься в погоню, и автора все же не догнать.

«Он родился в 1967 году от Р.Х. апреля 14 дня в Москве, в актерской семье, и помнил то, что предшествовало рождению: “я дышал в тебе, продышал пятно / и увиденным был прельщен”. Не вспомнил, а придумал по случаю? Можно сказать и так, это вопрос терминологии. Например, для древнего грека *придумать* означало *вспомнить*».

Несколько последних страниц книги на очень плотной крафтовой бумаге предлагает читателю избранные стихотворения Дениса Новикова.

В общем, люди вспомнили, что такое звезды и к ним потянулись. И это хорошо.